

Отзыв

на автореферат диссертации

Вадима Анатольевича Смирнова по теме:

«Трансформация политических элит Латвии, Литвы и Эстонии (1990 – 2019 гг.)», представленной в Диссертационный совет Д 002.031.02, созданный на базе Института Европы Российской академии наук по специальности 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

Диссертация В.А. Смирнова выполнена на актуальную тему. Ее актуальность обусловлена, по меньшей мере, двумя основными соображениями.

Во-первых, диссертация важна с точки зрения теоретического осмысления специфики социально-политических трансформаций. Трансформация как переход к новому состоянию политической системы, к постепенно набирающим обороты переменам с подчас непредсказуемым финалом – это непростой объект для анализа, требующий от исследователя учета множества факторов, контекстов, смыслов. Изучение автором трансформации общества через призму изменений политических элит представляется эвристически продуктивным. Элиты, если рассматривать их не с меритократических, а структурно-функциональных позиций (именно так подходит диссертант), выступают социальной константой всех эпох: управленческая «верхняя» страта существует всегда, но сущность её не всегда одна и та же. То, как меняются условия рекрутирования и преобразуются правящие круги, какие практики распространены и какие кадры востребованы на высших этажах государственной власти, служит отличным индикатором перемен большего масштаба – в рамках не отдельного социального сегмента, а всего общества.

Во-вторых, указанная диссертация, как следует из автореферата, имеет конкретное практическое измерение: она позволяет не только

диагностировать то состояние, в котором спустя три десятилетия после распада СССР оказались элиты (и общества в целом) стран Прибалтики, но также дает возможность осмыслить – а где (относительно стран Прибалтики) оказывается Россия и ее властные круги? Диссертация не посвящена элитам России, в работе подробно, о чем еще будет сказано ниже, исследуются правящие круги Латвии, Литвы и Эстонии. Однако Россия (или назовем это «фактор России») присутствует в работе неизменно и основательно. И это закономерно: понять происходящее в странах ближнего зарубежья нельзя вне контекста, вне их прежнего исторического опыта, в центре которого была и остается Россия. Концептуальные интерпретации элитогенеза в постсоветское время невозможны вне широкого исторического нарратива.

В.А. Смирнов в качестве верхней границы хронологических рамок установил 1990 г. Строго говоря, Латвия, Литва и Эстония на тот момент еще были частью Советского Союза, и уместно ли говорить об их собственных, отдельных элитах? Представляется, что автор принял верное решение: осмысление трансформации властных групп стран Прибалтики некорректно начинать с «чистого листа», когда СССР прекратил свое существование, а эти страны получили международное признание. Процесс трансформации элит не стартовал одномоментно, эти перемены нарастали, требования расширялись, социально-политическая обстановка внутри и вокруг Латвии, Литвы и Эстонии обострялись, в итоге произошли «поющие революции». Поэтому справедливо, что диссертант, рассматривая последствия «поющих революций» с точки зрения элитогенеза подходит к этой проблеме как к понятию, сформированному на стыке двух типов опыта, двух типов рефлексии, исторической и политической. Политическое и историческое – это два способа общественного бытия человека, и опыт трансформации элит Балтии, осмысленный автором в ретроспективе новейшего времени, тому пример.

Революции, пусть и «поющие», как «события-разрыв», как «события-символ» привели к всеохватной смене социального порядка, переработке политических практик, поиску новых горизонтов и становлению иной, чем ранее, «событийности», прежде всего – на властном уровне. В этом значимая научная новизна данной диссертации.

Следует согласиться с тем, как диссертант подходит к пониманию элитных трансформаций: он не рассматривает это как прогрессивный процесс, а видит это полилинейным, прерывистым состоянием со всеми его противоречиями и девиациями. В целях научной непредвзятости автор отказывается от аксиологических оценок в дихотомических терминах прогресс/регресс. На балтийском материале в работе обосновано показано, что новое не только создается на основе преемственности, прорастая из старого, отрицая его и выводя общество на новый этап, но и «приоткрывает» возможности для *иного* развития, далеко не всегда связанного с задачами «освобождения». Разработана корректная методология исследования, которая позволяет использовать ее для анализа процессов трансформации элит на других страновых примерах.

Заслуживает поддержки выдвинутая диссертантом гипотеза о том, что, «несмотря на ряд различий в странах Прибалтики, с 1990-х гг. происходили схожие процессы трансформации политических элит, становление которых обусловлено принципом государственного континуитета как преемственности с довоенными режимами Латвии, Литвы и Эстонии и разрывом с советским прошлым» (стр. 4). «В его основе тезис о «прерванной государственности» Латвии, Литвы и Эстонии в связи с их вхождением в 1940 г. в СССР и о ее «восстановлении» после 1990 г. Советский период квалифицирован как «оккупация». В отношении данных установок, в соответствии с которыми сформировалось поколение политиков, не имевших советского опыта, утвердился элитный консенсус» (стр. 7). «Одним из приоритетов определена политика памяти, особенно о

Второй мировой войне. Элиты стран Прибалтики, действуя во взаимной координации в Европарламенте, ПАСЕ, иных многосторонних институтах, содействуют дрейфу в ЕС от нарратива общей вины к нарративу общей угрозы» (стр. 8).

История это неперенный спутник Революции. Во всех протестных движениях в период распада социалистической системы одним из основных требований выступала тема права на историю. Страны Прибалтики здесь не исключение. Политика их правящих кругов, как и политика иных восточноевропейских государств, оказалась нацелена на поиск интеграционных моментов в истории европейских государств в целях создания общеевропейского дома, а не на поиск виноватых или осмысление ошибок прошлого. Кроме того, в этих странах всячески подчёркивается статус наций-жертв. Для этого элитами созданы специальные учреждения и институты, занимающиеся продвижением виктимной исторической политики и акцентированием внимания на преступлениях режимов стран-«оккупантов».

В.А. Смирнов убедительно показывает, что в странах Прибалтики повсеместно и на всех уровнях – институционализированной власти, коллективных акторов, групп частных интересов – прошлое стало предметом страстных поисков новых смыслов и значений, призванных стать основой политических стратегий вписания в сложные мировые процессы, модификации коллективных идентичностей и т.п. Тон задают, разумеется, элиты. И это имеет двойственное влияние: политики ставят вопросы истории на первый план, стремясь использовать прошлое в своих интересах, но вместе с тем прошлое влияет на самих политиков, становясь для них своего рода камертоном, в соответствии с которым элиты *должны* сверять свои поступки. Это влияет и на специфику трансформации элит. Автор верно выявляет особую роль, которую в данном процессе сыграли политики, принадлежавшие к зарубежным диаспорам: «Эмигранты, или

как они себя называли «изгнанники», выполняли роль «хранителей» традиций досоветской Латвии, Литвы и Эстонии и одновременно «проводников» в политико-дипломатических кругах США и Евросоюза» (стр. 6). Истории как «естественно-историческому процессу» противопоставлялась «живая история», новый – зачастую через конкретные людские судьбы – способ прочтения которой усиливает конфликт интерпретаций тех или иных событий и политическое употребление знаний о прошлом.

Балтийский опыт, детально реконструированный диссертантом через призму элитных трансформаций, соответствует тезису П. Рикёра о «работе памяти» как поддержке во времени связности некой идентичности, вписанной в историю и в действие. Здесь возможны самые разнообразные и даже противоречивые ситуации: в одних случаях мы имеем дело с прошлым, которое «не желает» уходить, в других – с бегством, сознательным или бессознательным затемнением прошлого. Диссертант справедливо делает вывод, что Прибалтийский случай сочетает в себе черты и первого, и второго. После «поющих революций» прошло три десятка лет, однако История из политического процесса не исчезла, совсем наоборот: «Идею противостояния с Москвой как бывшим союзным Центром, определявшую политическую жизнь стран Прибалтики многие десятилетия, не стёрли ни время, ни западные союзники, ни некогда тесная торговля и транзитные связи с Россией, ни переход под «зонтик» ЕС и НАТО. Старое противостояние сохранилось и в новейший период. Для элит Латвии, Литвы и Эстонии, под руководством которых реализована евроатлантическая интеграция, Россия из напоминания о прошлой «травме» превратилась в качестве «источника опасности» в средство укрепления собственной субъектности на внутренней и внешней сцене» (стр. 39). Память вышла за рамки «территории историка», властные акторы значительно и регулярно вмешиваются в это поле.

Убедительна аргументация автора о том, что после присоединения в 2004 г. к ЕС и НАТО главная цель политического процесса (т.е. «Возвращение на Запад»), к которой стремились элиты стран Прибалтики, оказалась достигнута, а новая цель – не сформулирована (стр. 35). Властные круги, а с ними и общества оказались в ситуации идейного дефицита, когда стало неясно – если раньше стремились выйти из СССР, затем вступить в ЕС и НАТО, то каков же горизонт теперь? Локальное отражение глобального «конца Истории» или, как его называет диссертант, «кризис больших идей» приводит к тому, что «властные группы в качестве одного из опорных инструментов поддержания внутриэлитного консенсуса и сохранения контроля над политическими процессами использовали «российскую угрозу». Эта установка не была снята после вступления стран Прибалтики в НАТО, а наоборот сделана системообразующей» (стр. 8).

Автор показывает, что у элит балтийских стран после обретения независимости был веер возможностей при определении приоритетов дальнейшего развития. Однако выбор властными кругами был сделан однозначный и довольно быстрый «по политико-дипломатическому, законодательному закреплению евроатлантического вектора внешней политики стран Прибалтики, построению натоцентричной системы безопасности и отказу от принятия нейтрального статуса» (стр. 35).

Вопрос о том, оказался ли этот вектор верным, каковы итоги (не с точки зрения самооценки прибалтийских политиков, а объективные результаты, с точки зрения Истории) можно обсудить лишь с течением времени. Прошедшие десятилетия позволяют выявить первые тенденции, наметить основные болевые точки анализируемых трансформаций, определить перспективные траектории. Сильной стороной рецензируемой диссертации является то, что В.А. Смирнов не ограничился лишь комментированием сложившейся ситуации, а подробно проработал вопрос о сущностном содержании прошедших изменений и о доступных

